

ТВОРЧЕСТВО КАК ЖИЗНЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ. Наброски к книге «Из суеты в суть: история Академии в лицах»

И. К. Кучмаева

При всём многообразии перемен, происходивших в культуре 80-х годов XX в. в России, приходилось констатировать очевидную растерянность детей и юношей перед совершающимися на их глазах трансформациями. Прежде всего, перед фактом глубокого пересмотра тех ценностей, которые годами складывались, насаждались и воспроизводились в общественном сознании. В результате тема прерывности, дискретности, отрицания в культуре порой становилась доминирующей. Худшее заключалось в том, что молодые люди в результате такого пересмотра нередко лишались перспективы во взгляде на многомерный мир культуры. Иное отношение к истории и культуре Отечества, к религии, к русской эмиграции, к событиям в странах ближнего зарубежья, к авторитету руководителя оборачивалось суммой острейших вопросов.

Явная перегруженность жизни мёртвым и лживым словом, обернувшаяся созданием империи бездуховности, побудила меня задуматься о том, что между умением хорошо писать о культуре и способностью культурно жить пролегает глубокая пропасть. Это растущее понимание вызвало к жизни идею академии, способной не только вобрать в себя и передать ученикам наиболее ценные достижения отечественной, славянской и мировой культуры. Дело в том, что процесс обучения в этой школе и характер дальнейшей трудовой деятельности выпускников рассматривался как культуротворчество, т. е. как творчество понимания между людьми, как культура, переведённая в пласт межличностных отношений, как демонтаж норм и стереотипов, сложившихся в пору духовно обескровленной системы образования.

Государственная академия славянской культуры была задумана и строилась сразу как малый вуз, чуждый алгоритму стандартизации, растворению человека в гигантских системах средств обучения; как вуз, соразмерный природе индивида, как место сравнительно малой степени отчуждения человека от важнейшей задачи духовного самообретения, как дорога из суеты в суть.

В самые первые дни развития Академического комплекса (школа – вуз – аспирантура) рождалось ощущение особой атмосферы, особого духовного строя этого учебного заведения, которое уже тогда рассматривалось как символ верности Москве, России, Славянскому миру, Русской Православной Церкви.

Думаю, что книга будет состоять из двух разделов. В первом — излагается замысел Академии и видение перспектив; основные этапы строительства ГАСК и её научных центров; обосновывается научная база учебного дела; раскрывается участие в подготовке кадров высшей квалификации, принципы деятельности Академии; рассматриваются вопросы образовательной практики третьего тысячелетия на основе Международной программы непрерывного гуманитарного образования, одобренной в 1996 г. двумя Комитетами Государственной Думы (по образованию и

культуре), а также принятой 8-й Международной ассамблеей ректоров славянских университетов.

Во втором разделе раскрывается 20-летний опыт работы тех педагогов и сотрудников Академии, которые с первых лет жизни ГАСК стали настоящими подвижниками, мужественно перенося все трудные изломы в непростой судьбе вуза.

Здесь получают отражение портреты тех, кого мы по праву называем человек-институт, который бескорыстно служит нашим воспитанникам, обладает даром преподавать сложные профессиональные истины на соответствующем языке; способен ответить на самые острые вопросы. В этом же разделе мы постараемся дать убедительную картину труда другой, не менее значимой для жизни Академии категории тружеников и назовём их так: человек-хранитель базовых ценностей Академии, её повседневного жизнеобеспечения.

Государственная академия славянской культуры и её филиал в Твери рождают свой, ясно осязаемый стиль приобщения юношей к ценностям культуры. Педагогическое творчество характеризуется разнообразием стилистических поисков, что свойственно культуре, особенно в переломные годы её развития. Становление этого стиля втягивает в свою орбиту даже ранее инертные группы педагогов. Непременным компонентом развития этого стиля является формирование богатого, тонкого чувства преемственной связи молодых людей с подлинными ценностями духовной культуры.

* * *

Ирина Ивановна Поплавская, народная артистка России, режиссёр-постановщик Мосфильма, лауреат многих Российских и Международных кинофестивалей, профессор, академик, пришла к нам в первый год создания Государственной академии славянской культуры. Пришла не ради денег и никогда не упрекала Академию в их отсутствии, пришла ради достижения самых глубоких жизненных целей.

«Академия для меня, — говорит Ирина Ивановна, — есть место духовного пристанища и духовного спасения от разгулявшихся стихий базарного варварства и порока. Академия есть также “кафедра”, где можно много сделать людям добра (Н. В. Гоголь)». Больше всего в жизни Академии Ирине Ивановне запомнились её истоки: первое собрание в тесноте, где-то на «Соколе». Когда всё только начиналось, было зыбко, бедно и незаметно, как зёрнышко, из которого вырастает большое дерево. Первые слова. Первые речи; удивлённые, светлые, молодые лица ребят и лица первых академических педагогов и основателей. Запомнились Истоки.

А мне в тот далёкий день запомнился облик Ирины Ивановны. Она сидела в первом ряду слева от центра, глаза её сияли. Всем своим существом она поддерживала нас, прозревая глубину тех отношений, которые уже тогда возникали.

В лице Ирины Ивановны в Академию пришёл человек высокого профессионализма, чей вклад в развитие культуры был многократно, достойно оценён. «Мой личный вклад в Искусство я вижу в создании фильмов, которые не стареют, волнуют людей и воздействуют на них во всякое время и во все времена, ибо они правдивы, человечны и искренни. Фильмы делались “чистыми руками” и, главное, содержат

в себе общечеловеческий идеал, любовь к людям, к Красоте и Творчеству, любовь к своей Земле, а делались эти фильмы с Божьей помощью».

Фильмы Ирины Ивановны любят в России, любят в Академии и за рубежом. Нам особенно удавалось ощутить это в те дни, когда в какой-либо из стран мы проводили очередной этап Международной миротворческой миссии «Юность славянского мира». В зале, где для просмотра фильма Ирины Ивановны собиралась кинообщественность страны, разгорались дискуссии, выражалась огромная благодарность за вечер, подаренный нами зарубежным друзьям. В аудитории через посредство фильма начиналось сверхценное взаимообогащение личностных миров, личностных опытов.

Начиная работу в качестве руководителя творческой мастерской, а затем заведующей кафедрой театрального и кинематографического искусства, Ирина Ивановна имела вполне определённую цель, успешная реализация которой дала свой результат. Свой вклад в жизнь Академии видит, по её словам, «в пробуждении и воспитании в моих учениках ТВОРЧЕСКОГО НАЧАЛА, в осознании ими творчества как ЖИЗНЕННОЙ НЕОБХОДИМОСТИ. В создании с моими учениками прекрасных творений в области Театра и кинематографа, пробуждающих в людях добрые чувства и дающих им Веру и Надежду, в воспитании в студентах стремления к совершенству и профессионализму, что должно привести в ходе дальнейшего развития Академии к созданию академического студенческого культурологического Театра и Видеокиностудии ГАСК». Поэтому более всего Ирина Ивановна желает своим ученикам «умения творить, терпеть и жертвовать собой ради своего дела и своей идеи». В этом смысле для неё самой в течение всей жизни особым примером были святой Сергей Радонежский, А. Пушкин, Л. Толстой, А. Чехов, К. Циолковский, Л. Бетховен, С. Рахманинов, М. Врубель, К. Петров-Водкин, К. Ушинский. И. Ильин.

Понимая, что опыт всевозможных подмен, псевдоценностных ориентаций чреват напрасной растратой сил, Ирина Ивановна особое внимание в творческой мастерской уделяет культуре прочтения русской и зарубежной классики как уникального опыта духовного поиска и обретения. Лесков, Достоевский, Чехов, Мольер, Андерсен, Булгаков, Шмелёв, Островский, Метерлинк, Л. Толстой, Сологуб, духовная поэзия золотого и серебряного века России в исполнении участников мастерской стали событиями академической жизни. Их спектакли были не только способом исторического, духовного, эстетического самопознания. Всякий раз это был щедрый подарок всем. Ведь и сама Ирина Ивановна и её юные актёры понимали, что в их исполнении монологизм позиции неприемлем, он чужд культуре, ибо культура подлинная предполагает полную посвящённость себя другим. Поэтому каждого исполнителя прежде всего волновал вопрос: доверяют ли мне, заслуживаю ли я доверия? Именно в силу такой внутренней установки режиссёра и юных актёров мы действительно слышали, как скрипят половицы в старом доме Герды и Кая, как пробивается к другу через снежные метели горячее сердце Герды, как празднует весну провинциальный русский городок, мы можем ощутить, каким Событием

вселенского размаха и личностной духовной глубинности было Рождество Христово в дореволюционной России.

Сейчас наша школа далеко, ей, наконец, дали собственное помещение. Но так далеко от Академии, в Медведково, что совместная работа студентов и школьников в этой, да и в других творческих мастерских стала практически невозможна. Развитие сложившейся, оправдавшей себя системы непрерывного взаимодополняющего образования школьников и студентов временно приостановлено. Но сохранилась память, фотографии, видеозаписи, где так хорошо видно, как радостно жилось детям разных возрастов в одном творческом коллективе. Это неоспоримый факт, бросающий вызов тем комиссиям, которые приходили в школу и требовали, чтобы И. И. Поплавская конкретно расписала каждый час работы творческой мастерской на год вперёд, чтобы отделила школьников от студентов и т.д. Ирина Ивановна отказалась выполнять эти дикие требования, перестала получать зарплату в школе, но никогда не запрещала детям посещать занятия её творческой мастерской.

Придёт час, когда повсюду в школах России не будет возбраняться любое доброе, душеполезное начинание, а к труду выдающихся мастеров культуры, работающих в сфере образования, будут относиться так, как это должно быть в цивилизованном обществе.

Несколько лет назад вышла книга И. И. Поплавской «Мой фильм. Исповедь кинорежиссёра», предисловие к которой написал известный русский писатель Валентин Распутин. С согласия Ирины Ивановны я привожу здесь это предисловие, поскольку в нём так верно показано место И. И. Поплавской в отечественном кинематографе.

В эту книгу по воле автора включено и письмо, адресованное мне Ириной Ивановной Поплавской ещё в 1995 г. В письме она сообщает, что принялась за книгу воспоминаний: называется «Мой фильм». «Я более тридцати лет варюсь в этом огромном кипящем казане под названием “Мосфильм” и ощутила кино своей кожей — была и в воде кипящей, и в воде холодной». И просит меня по окончании работы посмотреть рукопись. Это моё короткое, но искреннее слово и есть, помимо обращения к читателю, также ответ автору на её давнюю просьбу.

«Сейчас время воспоминаний. Воспоминания пишут многие, а в ближайшие годы их будет ещё больше. Подводятся итоги жизни, эпохи, идейных, нравственных и творческих устремлений, даются ответы на причины общественных брожений. Никогда ещё граница летосчисления не совпадала с такой фатальностью с границей мироустройства — будто с началом третьего тысячелетия человечеству предписано было освободиться, как от износившейся мебели, от прежней обстановки. В России обрушился казавшийся незыблемым государственный строй, Европа и Америка распрощались с иллюзиями относительно западной цивилизации. По мнению авторитетных умов, история закончилась, мир с падением Советского Союза принимает однолинейный, выпрямленный характер, подобно тому, как боковые дороги сходятся в единую автостраду. Всё особое в нём, “грунтовое”, национальное, постепенно приводится к общему знаменателю. И если мы присутствуем при конце истории, то мы присутствуем и при конце культуры. Она останется

отдельными рудиментами, иногда яркими, но разрозненными, ещё на какое-то время, но общая картина будет безрадостной. Глобализм, это чудовище, которым разродилась западная цивилизация, ничего, кроме товарного рынка, называемого “устойчивым развитием”, предложить не в состоянии, о нравственных и духовных ценностях он даже и не заикается. А без нравственности и духовности культура, искусства существовать не могут, это и дыхание их, и вдохновение. Главной творческой личностью даже у нас в России становится шоумен.

Дай Бог, чтобы эти мрачные предрекания (и не только мои) оказались напрасными. Но напрасные они или ненапрасные, а общее тревожное настроение, ощущение подступающего сиротства заставляют мастеров старого времени братья за перо. Не с личной целью обессмертить себя, а с целью обессмертить искусство, к которому они принадлежали, показать горечь и сладость жизни в нём, осмыслить себя в искусстве и искусство во времени. Таковы воспоминания последних лет Татьяны Дорониной, Ильи Глазунова, Николая Бурляева, Станислава Куняева... Притом никто из них не сошёл со своей богоданной стези, все продолжают быть творцами, а горькие общественные перемены заставляют их быть ещё и организаторами, спасателями своего дела: Илья Глазунов создал и возглавил Академию художеств, у Татьяны Дорониной свой театр, у Станислава Куняева — журнал, у Николая Бурляева — кинофестиваль “Золотой витязь”. Каждый из них в глазах старшего поколения — живая легенда, и время расцвета их талантов теперь представляется тоже легендарным: тогда романтики и служители искусства были первее циников и прилипал. Можно оговориться: в итоге первее, потому что сложностей и подножек хватало с избытком, но итог-то, в конце концов, и важен. Тогда, несмотря ни на что, в искусстве было больше воздуха, и воздух этот в столичных мастерских и студиях вентилировался притоками из самородных окраин: из дальнего захолустья могли прийти и воссиять заслуженной славой и Михаил Ульянов, и Василий Шукшин, и Александр Ведерников, и Фёдор Абрамов, и многие-многие другие, вплоть до Георгия Свиридова.

И вот теперь воспоминания Ирины Поплавской. Творческая судьба её вызывает удивление и восхищение тем, что она, эта судьба, исполнилась стремлением к главному — к постижению в кино народной души с той стороны, откуда её меньше всего ждали. Сердцевиной народной жизни по справедливости следует считать географическую провинцию, все эти Алтай, Вятки и Вологды, а столицы, та и другая, остаются окраинами. Вот почему Шукшин с великим трудом продирался сквозь дебри московской образованности, чтобы показать, что “Живёт такой парень”. А с другой стороны, из интеллигентской профессорской семьи с Арбата, с не меньшим трудом продиралась к той же самой цели Ирина Поплавская, чтобы показать “Джамилю”, “Василия и Василису», “Очарованного странника”, Матвея в “Матвеевой радости”. И продралась лишь потому, что была частью этого характера и всегда ощущала в себе родство с ним.

У Феллини в “Исповеди”, написанной незадолго до смерти, есть признание, относящееся и к его работе: да, кино участвует в развращении нравов, но боится протестовать, чтобы не показаться непрогрессивным. Это ещё одно свидетельство

того, что диктат общественного мнения, диктат заведённых вкусов был на Западе сильнее советской цензуры и никого не обходил. Во что обошлись эти “шалости” искусства, распространившиеся теперь по всему миру, и во что обошлась “гибкость” мастеров, не смевших ослушаться негласных законов, говорить не приходится.

И до чего же доброе, целомудренное отношение к жизни и человеку в фильмах Ирины Поплавской. Я сравниваю этих художников не по техническому мастерству, а по мастерству любить человека и уважать жизнь. Только с этими заповедями кино могло выжить. И только с ними оно, вероятно, способно воскреснуть.

Воспоминания — это ещё и освобождение души от царящего в ней “творческого” беспорядка. Всякая жизнь, а тем более жизнь художника, должна быть стройно уложена в памяти и душе, каждое событие должно быть озвучено, дабы в подходящий момент подать ему свой подбадривающий или остерегающий голос. Голос нравственного опыта. Воспоминаниям Ирины Поплавской предпослано уточнение: исповедь кинорежиссёра. Исповедь — значит полная, конечная откровенность. Как перед Богом. Так оно и есть в этой книге. По закону исповеди: кто обидел вольно или невольно — прощаю; кто помог — за того никогда не перестану молиться, а к Земле Русской, к Волге-матушке, вылепивших меня в то, что я есть, я приникала всю жизнь и приникну после... Это исповедь больше чем кинорежиссёра, но талантливого, одарённого многими, в том числе и литературным, дарами человека, профессией которого стало кино. Однако человек всегда интересней и глубже своей профессии.

Да, это свидетельство эпохи, которая никогда уже не вернётся, своего рода документ, представляющий доказательства, но это прежде всего именно она, исповедь художественной и мужественной души, страдающей за свою землю и за свое искусство. Валентин Распутин».

В Академии в мастерской театрального искусства под руководством Ирины Ивановны Поплавской изучают наследие школы К. Станиславского. Работа мастерской была отмечена многими дипломами. Из репертуара мастерской наиболее ярко запомнились композиция «Цветы Пушкину» (сценарий И. И. Поплавской), Бомарше «Женитьба Фигаро» (сцены из спектакля). А. П. Чехов «Предложение», Г. Х. Андерсен «Снежная королева».

*Продолжение набросков к книге И. К. Кучмаевой
«Из суеты в суть: история Академии в лицах»
будет опубликовано в следующем номере журнала
«Вестник славянских культур»*